К. Н. Григорян

Об истоках новеллы Аветика Исаакяна «Лилит»

В. Я. Брюсов в характеристике лирики Исаакяна и его поэмы «Абул Ала Маари» в 1916 году писал: «Здесь Исаакян выступает как один из европейских поэтов, ставя себе те же или сходные задачи, разрешить которые стремятся и лирики других народов, — французские, немецкие, русские... По этим стихам можно судить какого большого мастера имеет армянская литература в лице Аветика Исаакяна»¹.

Эти слова Брюсова в равной мере можно отнести к стихотворениям в прозе и сказочным новеллам Исаакяна. Среди последних едва ли не первое место принадлежит «Лилит» армянского поэта.

Новелла «Лилит» была написана Исаакяном в 1921 году в Венеции. В подзаголовке указывалось, что сюжет заимствован из древне-иудейских сказаний.

Корни возникновения легенды о Лилит уходят в далекие века, в древний Вавилон, Ассирию, в европейскую мифологию. «Откуда явилась к нам эта таинственная Лилит, — пишет один из современных французских исследователей легенды, — златовласая, всегда прекрасная и вечно юная, которая, как сообщает легенда, в течение некоторого времени была причиной несчастья нашего далекого предка Адама?»².

По древним преданиям, Лилит — адское чудовище, дьяволица, сотворение тьмы, злой дух. Она — дочь ночей, вампир, витает во мраке ночи в образе совы, ищет одиноких мужчин, похищает детей. В то же время Лилит — чаровница, она вечно прекрасная волшебница, появляется по ночам, как призрак, как сновидение... Лилит упоминается в древне-вавилонских заклинаниях, а по древне-иудейскому преданию она была первой женой Адама³.

Легенда о Лилит имеет свою литературную судьбу. Многие из писателей обращались к этому древнему сюжету⁴. Образ Лилит, сложившийся веками и связанный с представлениями отдаленных времен, во многом противоречивый по своей внутренней природе, разумеется, воспринимался в разные эпохи, разными авторами далеко не одинаково. На его судь-

¹ В. Я. Брюсов. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. В кн. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. М., 1916, стр. 80.

² А. М. Killen. La légende de Lilith et quelques interprétations modernes de cette figure légendaire. В журнале Revue de littérature comparée. Paris, 1932. (avril—juin), стр. 277.

³ О легенде Лилит существует большая литература. См. библиографию: Еврейская энциклопедия. Том 10, стр. 206—207.

⁴ Вопрос этот частично освещен в указанной выше статье А. М. Киллен.

бу, несомненно, оказало влияние и то обстоятельство, что легенда о Лилит противоречила ортодоксальной библейской версии о сотворении мира. В «Потерянном рае» Джона Мильтона, в описании «пределов ада» подразумевается, очевидно, Лилит, когда автор говорит о чудовищном призраке, голова которого до пояса казалась «женщиной очаровательной красоты; но остальное ее тело было отвратительно; оно извивалось в многочисленных чешуйчатых кольцах, широких, громадных, подобно змее, с ее смертоносным жалом» (книга вторая)⁵. К образу Лилит обращается Гете в первой части «Фауста», в картине «Вальпургиевой ночи»:

Фауст

Кто это там?

Мефистофель

Знать хочешь кто она?

Всмотрись: Лилит.

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая жена

Адама. Берегись косы ее касаться:

Коса — ее единственный убор.

Кого она коснется, тот с тех пор

Прикован к ней, не может

с ней расстаться...⁶.

В поэме В. Гюго «Конец сатаны» образ Лилит трактуется в традиционном понимании, как «нечистого духа», «дочери демона», «соблазнительницы», «созданной сатаной из мрака», чтобы покорить человека⁷.

Во второй половине XIX века к образу Лилит обращался поэт и художник Данте Габриэль Россетти, глава английских пре-рафаэлитов. Он оставил стихи, посвященные Лилит и картину, на которой она изображена как олицетворение вечной женственности. «Где же найти человека, о, Лилит,— восклицает Россетти,— которого не привлекут твои чары. Смотри, как глаза этого юноши горят, встречая твой взгляд, как он склонил свою гордую голову перед тобой и как вокруг его сердца обвивается петля золотых волос»⁸.

⁵ Потерянный и возвращенный рай. Поэмы Джона Мильтона. Перевод с английского А. Шульговской, с подстрочным английским текстом, СПб., 1878, стр. 37.

⁶ Гете. Собрание сочинений в тринадцати томах, М., Гослитиздат, 1917, т. 5, стр. 231.

⁷ Русского перевода поэмы нет. Victor Hugo. La fin de Satan. Paris, 1911, стр. 221 и др.

⁸ См. «Eden Bower» и «Lilith». В книге: Dante Gabriel Rossetti. Poems. Translations. 1850—1870, London, Oxford University press, 1926, стр. 18—23, 146.

В русской поэзии Лилит воспел Ф. К. Сологуб:

...Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,
Как тихий сон,— как сон безгрешна,
И речь ее была сладка,
Как нежный смех,— как смех утешна.

И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, предо мной
Стояла и смеялась Ева...⁹.

Легенда о Лилит привлекла внимание Бернарда Шоу¹⁰, французского поэта Гильома Аполинера¹¹.

В 1887 году в «Temps» была опубликована новелла Анатоля Франса «Дочь Лилит» (впоследствии она вошла в «Валтасар», первый сборник Франса). Героиня новеллы Лейла унаследовала от матери ее черты. Встреча молодого Ари с ней, оказалась роковой. Лейла обладает «сказочной красотой», но она «не нашего естества», «во всем ее облике страстном и нечеловичном» есть «нечто чуждое человеческой природе». В новелле Франса образ окружен ореолом таинственности: «Она не знала того, что знаем мы. Зато знала то, что нам неизвестно». Лейла «нежное и кроткое существо», во всяком случае такую она рисуется в влюбленном воображении Ари. На самом же деле она коварная и злая. Она толкает Ари на расторжение предполагаемого брака, официальной помолвки с девушкой. Она заставляет его обмануть своего лучшего друга. Ей чужды нравственные понятия. «Лицо ее,— пишет Франс,— не выражало никакого чувства: ни добра, ни зла, разве только сладострастие, одновременно чувственное и неземное». Кратковременная жизнь Ари с Лейлой была полна не только блаженства, но и «несравнимой муки». Она принесла ему страшные страдания, отравила ядом все его существо». Узнав о ее неверности, Ари «обезумел от горя»¹².

Основная идея новеллы Франса заключается в том, что Лейле не было доступно счастье потому, что «не было в ней души»; неведомы были ей истинные наслаждения и страдания, «она, казалось, была безучастной к радостям любви, которые она дарила» молодому Ари.

⁹ Федор Сологуб. Стихотворения. Малая серия «Библиотеки поэта», Л., «Советский писатель», 1939, стр. 263—264.

¹⁰ Бернард Шоу. Назад к Мафусанлу. М.—Петроград, ГИЗ, 1924.

¹¹ См. указ. статью А. М. Киллен, стр. 302.

¹² Анатоля Франс. Собрание сочинений в восьми томах, М., Гослитиздат, т. 2, стр. 37—49.

Исаакян, обращаясь к сюжету древней легенды, развил традиционную тему совершенно в другом направлении. В общей характеристике Лилит и для армянского поэта, как и для его предшественников, из которых в понимании этого сложного образа наиболее близким оказался Анатолий Франс, остаются в силе обычные представления о Лилит, как демонической женщине, в которой чарующая сила неземной красоты соединяется с отсутствием души. У Исаакяна «бездонный взор Лилит глубже неба», «солнце не ярче ее очей», в раю все озарено «светом ее лика». Белые, нежные руки ее «подобно лилии», тело ее «светозарней, чем вспышка молнии во тьме непроглядной ночи». Она всегда появляется перед Адамом, «овевая несчетными соблазнами в сиянии своей красоты». В то же время Лилит «зловещий пламень», в котором сгорит Адам¹³.

В новелле Исаакяна мотивы легенды служат лишь канвой повествования. Адам в раю в первое время «дивился чудесам», обозревая окружающий мир, но вскоре он затосковал в одиночестве. Не с кем было делить радость. Тогда создатель, перехватив возносившийся к небу язык пламени, претворил его в первую женщину — Лилит¹⁴.

У Анатоля Франса молодой герой с дочерью Лилит, хоть и ненадолго, но все же вкусил сладость неземного счастья. Ари в своих признаниях говорит: «Непередаваемые словами мгновения... Я сжимал Лейлу в моих объятиях. И мне казалось, что мы оба уносимся в небо и заполняем его собою. Я чувствовал, что уподобился богу, что в душе у меня вся красота мира, вся гармония природы: звезды, цветы, леса с их песнями, и ручьи, и глубины морские. В свой поцелуй я вложил вечность...».

Иначе развиваются события в новелле Исаакяна. Адам с самого начала встречи с Лилит глубоко несчастлив. Трагедия любви начинается с того мига, как он впервые увидел ее: «Перед ним предстала вся ее беспредельная красота, чаровавшая и манившая душу его с непостижимой силой в страшную бездну. И смежил он веки, полный чарующего ужаса».

В образе Лилит для Адама всегда остается что-то непонятное, загадочное. Точно найденная Исаакяном формула «чарующего ужаса» остается в силе на протяжении всей новеллы. И в этом случае армянский поэт верен духу древнего сказания, по которому Лилит была коварной чаровницей, околдовывающей человека силой своей неотразимой красоты. В новелле Исаакяна даже змея не выдерживает ее взгляда. Когда Лилит пристально глядит на змею, то она, испугавшись взгляда Лилит, шипит и скрывается в камнях.

Все эти моменты имеют важное значение для понимания художественной концепции Исаакяна. Однако основное содержание новеллы, па-

¹³ Новелла Исаакяна «Лилит» написана в 1921 году, в Венеции. Русский текст см.: Ав. Исаакян. Избранная проза. Перевел с армянского Я. С. Хачатрянц. АрмГИЗ. Ереван, 1947, стр. 41—43.

¹⁴ По преданию, первая жена Адама — Лилит была сотворена из глины. Исаакян выбирает другую, по времени более отдаленную версию, связанную с мифическими представлениями о происхождении Лилит от пламени, от огня, что соответствовало и замыслу новеллы.

фос ее определяется в столкновении двух противоположных, по мысли автора, враждебных начал. В развитии сюжета параллельно идут две линии. В первой из них раскрывается самоотверженная безграничная любовь Адама, во второй — холодная жестокость Лилит. Она только чарует и манит — Адам же горит в пламени любви, сердце его навсегда «приковано к лучезарным стопам» Лилит. И во сне и наяву он мечтает только о ней. Он не знает покоя, терзаясь «жгучей яростью любовной тоски». В грезах образ Лилит казался ему «еще более желанным и неодолимо манящим». Адам не жалеет себя, чтобы доставить малейшее удовольствие Лилит, угадывая и исполняя с покорностью раба все ее капризы, все ее прихоти: «Без устали, без ропота карабкался он по кручам, из скалистых недр зубами вырывал драгоценные камни, не щадя ни рук, ни ног, но озабоченный единственной мыслью — сложить к ногам чудесной Лилит свои дары».

Лилит же холодна и безразлична к Адаму. Она небрежно, снисходительно принимает его жертвы, как должное, с гордым сознанием силы своей красоты. Она обращается с Адамом, как жестокая повелительница с рабом. Она глуха к страстным признаниям Адама, равнодушна к его ласкам, не видит его страданий. При малейшей попытке Адама прикоснуться к ней, она ускользает, мгновенно исчезает «в набегающей мгле».

Лилит знает больше, чем Адам, она «мудрее» Адама. Когда Адам, сгорая от любви, не может понять, что с ним (ведь он впервые полюбил женщину) и спрашивает об этом Лилит, она спокойно разъясняет: «Любовь, Адам, любовью это зовется», прибавляя при этом, что она знает это давно.

Адам постоянно живет в «сердечной тревоге». И все с новой и новой стороной открываются черты Лилит в раскаленном воображении Адама, и чем дальше, тем с большей силой разгорается огонь его любви. Он обращается к Лилит с мольбой: «Я жажду раствориться у ног твоих; хочу припасть к земле, по которой ступаешь ты; хотел бы я увенчать солнцем голову твою и усыпать путь твой блестками лунных ночей... Лилит, море, бурей объятые, что бьется о скалы валами, высокими как горы, слабее и немогшее моей любви, безудержно стремящейся долететь до ног твоих и рассыпаться безмолвной пеной». Лилит на эти признания Адама отвечает «сдержанным смехом, трепетавшим в уголках ее уст».

Лилит не только безучастна к страданиям Адама; она смеется над его слезами, над его любовью, безжалостно топчет святость его возвышенных чувств. Она смотрит в грустное лицо Адама и хохочет над ним. Мотив этот чрезвычайно важен в развитии сюжета новеллы Исаакяна. Лилит, по мысли автора новеллы, причиняет Адаму боль не потому, что она «не нашего естества», как у Анатоля Франса, не потому, что ей незнакомы человеческие страсти и в силу этого она неспособна понять страдания Адама, а по жестокости и лживости своей демонической природы.

Эта тема не нова в творчестве Исаакяна. Она звучала в его лирике, к ней обращался он в поэме «Абул Ала Маари». В своих скорбных обличениях Абул Ала называет женщину «коварной и лживой», «крово-

жадным пауком», «зверем в красивом обличии». Почему же такие страшные слова говорит герой поэмы, разве он не любил женщин, разве была незнакома ему радость любви? В том то и дело, что, по мысли автора, он выстрадал право на эти горькие признания, потому что он слишком сильно любил. Абул Ала говорит:

О лилии чистой, лучистой звезде ты
 мечтал, ты желал спать под светлым крылом.
 Ждал, что будет она бальзамом для ран,
 над страдающей жизнью сияющим сном,—
 Ты грезил о песне, как песнь родника, что
 влечет и поет в голубых берегах,
 Жаждал сладостных слез на небесной груди,
 бессмертной росы на прелестных очах!
 Но жаждущим душам женщин любовь
 только горечь сулит, как морская вода.
 В сладострастном томленье ты тело лобзал,
 Не насыщен и с новым желанием всегда...
 1909 пер. В. Брюсова.

Ведь и Адам жаждал именно такого лучезарного счастья с любимой. Ведь и он, опьяненный красотой Лилит, предавался светлым снам. Но Лилит только манила и дразнила, она пленяла, но, не утоляя его жажды, мгновенно исчезала.

Долго не приходила Лилит. Адам изнемог в тоске. Он день и ночь повсюду искал ее, и когда он, измученный вконец в тщетных поисках, присел отдохнуть, оплакивая свою судьбу, до его слуха в сумерках доносится зловещий хохот: «И открылось Адаму страшное зрелище... над райской стеной узрел Адам голову сатаны, озаренную черным блеском глаз его — злобных и коварных. Увидел он Лилит, обзвивавшую шею дьявола. В порыве неудержимого желания впивалась Лилит устами в уста сатаны. И смеялись они — блаженные и счастливые... И видел Адам, как сатана, охватив Лилит, скрылся с нею за стеной рая... И заволоклись туманом глаза Адама, и все исчезло из глаз его...».

В описании второго этапа в развитии отношений между Адамом и Лилит четко намечается тема ревности. И ранее у Адама были подозрения, откуда Лилит знает о любви, откуда ей известна сладость поцелуя? Но это были смутные сомнения и старался он отогнать их прочь. Теперь он прозрел, ранее был слеп, и страшная правда открылась ему. К страданиям и трезогам любви прибавились невыносимые муки ревности. Адам «обезумел». Без волшебницы Лилит опустел Эдем, все теперь вохруг казалось Адаму ничтожным, пустым. Ночи его проходили в кошмарных видениях. Увидя все это, «творец» сжалился над Адамом и дал ему новую подругу, кроткую, покорную Еву.

Однако Лилит осталась навсегда жить в сердце Адама: «Поднималась ли буря, Адам видел Лилит, пронесившуюся мимо; молния ли рас-

секала небо — Адаму чудилось, что это пламенная страсть Лилит пронзает ему душу¹⁵. Закрывал ли глаза Адам, в мечтах он видел беспредельно прекрасный образ Лилит; глядел ли на звезды — в звездах видел Адам очи Лилит... «Ева» призывали его уста, именем «Лилит» откликнулась душа... И прожил Адам весь век свой, неустанно ожидая и алкая Лилит, и умер Адам, вздыхая и мечтая об одной лишь Лилит...».

Элементы сказочно-романтического пейзажа: «горы, сиявшие серебристо-снежными вершинами», «лазурная тишина», «бурные низвергающие с грохотом с высоких утесов водопады», «стада золотистых ланей», «серебробокрылые чайки», «дальние изумрудные острова» — все эти частности — звенья единой цепи, и по своему эмоциональному звучанию составляют атмосферу «напоенной истомой неразделенной любви».

Вся идейная и художественная концепция новеллы «Лилит» показывает, что обращение Исаакяна к древней легенде явилось результатом не случайного увлечения романтической фабулой. Важнейшие мотивы новеллы теснейшим образом связаны с темами лирики армянского поэта, с кругом его дум, с его творческими исканиями. В основе сюжета «Лилит» лежит характерный для Исаакяна, разработанный им в лирике мотив безответной отвергнутой любви, односторонние страдания, мотив столкновения сильного, всепоглощающего чувства с холодным равнодушием, коварством, жестокостью, предательской изменой любимой женщины. Образ демонической «волшебницы Лилит», «дочери сатаны и мрака», открывал перед Исаакяном широкие возможности для выражения трагедии любви.

В любви Исаакян видел проявление стихийных сил внутреннего мира человека. «Сердце, — говорит поэт, — имеет свои непостижимые законы» («У могилы», 1922 г.). Такой взгляд он распространял вообще на всю эмоциональную сферу, на высшие ощущения и чувства, в которых, по мысли Исаакяна, многое остается вечной загадкой. «Непостижима логика наших чувств, — говорит рассказчик в новелле «Веление сердца» (1923 г.). — Да, непостижима и к тому же порою совершенно противоположна логике разума. И никто еще не нашел и не привел в порядок законов, управляющих нашими чувствами: они еще ждут своего Аристотеля».

Рядом с «Лилит» Исаакян создал «Последнюю весну Саади», овеянную светлой печалью. Мудрый певец, познавший добро и зло, жизнь и людей, которому были доступны тайны мироздания, прожив сто долгих лет, так и не разумел «всей глубины и сущности любви». Образ его рисуется Исаакяном на фоне цветущей природы. Сверкающая радостью весны, обновленная природа как бы противопоставляется уходящему из мира старцу, с последними словами на устах: «рождаемся неволью, живем удивляясь, умираем тоскуя...».

¹⁵ Исаакяна больше привлекали древние представления, связывающие Лилит с стихией, таинственными силами природы. По преданию, Лилит «богиня ветра», «демон бури» и «камни, выпадающие с неба, это — ее стрелы».

В поэтическом описании последних дней певца любви в конечном счете побеждает оптимистический взгляд, торжествуют неизменные законы жизни. И несмотря на все муки, невзгоды, неисчислимые беды, которые падают на долю смертного, Исаакян устами мудрого Саади воспекает бесконечную красоту природы, очарованный ею, благословляет он «и жизнь, и слезы, и любовь».